

На обратном пути погода окончательно испортилась: море потемнело, а порывистый ветер раскачивал кокосовые пальмы. Понаблюдав за бушующей стихией через окно, Се Синьцянъ запер створку и пригладил взъерошенные волосы.

— Завтра наверняка пойдёт дождь, — довольным тоном заметил Ло Юаньцзе и повернулся к Чэн Лисюэ: — На вилле всё подготовили?

— Художники-постановщики уже закончили, — кивнула та. — Вечером съезжу, проверю ещё раз.

Говорила Чэн Лисюэ слегка пришептывая, будто обожгла язык, и Ло Юаньцзе не удержался от вопроса:

— Что у тебя с речью?

Лицо Чэн Лисюэ скривилось от досады:

— Об крабовую клешню порезалась. Теперь, похоже, стоматит выскочит.

— А нечего было уплетать за обе щеки, — рассмеялся Ло Юаньцзе. — Чревоугодие, как говорится, не знает границ.

Сидевший сзади Се Синьцянъ молча засунул уколотую левую руку за спину. Вообще-то... он только что тоже налег на морепродукты без особой жалости к себе.

Вернувшись в отель, Ли Вэньсю проводил Синьцянъ до самого номера. Приложив электронный ключ к замку, юноша обернулся:

— Зайдёшь?

— Нет, — Ли Вэньсю прислонился к дверному косяку. — Покажи руку.

Руку? А что с ней не так?

Синьцянъ протянул правую — ту, в которой держал карту.

Ли Вэньсю качнул головой:

— Левую.

Синьцянь послушно сменил руку.

Вэньсю склонился ниже, внимательно разглядывая указательный палец юноши в ярком свете коридорных ламп.

— Заноза, — произнёс он спустя мгновение.

— А? — Синьцянь поднёс палец к глазам. Кожа вокруг покраснела, а в самом центре едва заметно белела точка. Он чуть надавил — отозвалось колючей болью. Видимо, внутри остался обломок шипа рака-богомла.

— И правда, — удивился Синьцянь. — То-то я чувствую, колет и колет.

Поблагодарив Вэньсю, он пообещал связаться с врачом съёмочной группы. Ли Вэньсю кивнул и ушёл к себе.

Чуть позже Синьцянь набрал номер медика, но выяснилось, что того срочно «одолжила» администрация отеля: кто-то из туристов поранился о риф, и врач повёз пострадавшего в больницу. Они только выехали, так что быстрого возвращения ждать не приходилось. Врач заверил, что маленькая заноза терпит, и Синьцянь решил пока не брать это в голову.

Вскоре раздался стук в дверь. На пороге снова стоял Ли Вэньсю. Он спросил, можно ли переждать у Синьцяня: в его номере расшаталась оконная рама, и техотдел отеля как раз занялся ремонтом.

Синьцянь, разумеется, впустил его. Подав гостю бутылку воды, он занялся камерой, привыкая к её весу и балансу. В этот раз ему предстояло играть режиссёра, и юноша хотел максимально развить визуальное чутьё.

Одно дело — быть актёром, совсем другое — смотреть на кадр глазами постановщика. Актёр воплощает эмоцию, режиссёр же непрерывно мыслит и анализирует.

Кинематограф говорит языком камеры. Одну и ту же сцену разные люди снимут абсолютно по-разному. Выбор объекта, ракурс, кадрирование... В этих мелочах кроется авторский взгляд, ненавязчиво раскрывающий личность автора.

Изначально Синьцянь не планировал погружаться так глубоко, но сценарий требовал, чтобы его персонаж много снимал прямо в кадре. Ло Юаньцзе отказался готовить дубли заранее или донимать графикой на монтаже — он дал Синьцяню полную свободу: всё, что тот снимет во время дубля, и пойдёт в финальный склей.

По сути, он совмещал в себе актёра, оператора и отчасти самого постановщика.

Вынужденно осваивая новую роль, Синьцянь постепенно начинал понимать замысел своего героя, Бай Цзинняня.

Помимо любовной линии, в «Долгом лете» кролся иной, глубинный мотив — поиск. Поиск себя, своих истинных желаний, попытка примирения со сложным миром. Большинство людей ищут что-то бессознательно всю жизнь, так и не находя желанного и довольствуясь компромиссами. Но Бай Цзиннянь компромиссов не признавал.

Он снял немало признанных работ, но каждый раз внутренний голос шептал: «Это всё не то».

И он отправлялся в путь. Приезжал, уезжал и снова искал...

Он бродил по этому блёклому миру с камерой в руках, так и не способный утолить душевный голод. Подобно человеку, умирающему от жажды, но убеждённому, что вода отравлена, он отказывался делать хоть глоток. Кто-то считал его безумцем, кто-то — глупцом. Но только он сам знал: то, что спасает других, ему не подходит.

Синьцянь поднял камеру, запечатлевав обстановку номера. На острове Вэйхай кадры Бай Цзинняня поначалу оставались хаотичными, зыбкими, пронизанными одиночеством. В них сквозил поток сознания: надкушенный фрукт, мотылёк, бьющийся о стекло ночника, подхваченный ветром белый пакет... Кадры дышали холодом и беспричинной грустью.

Синьцяню не нравилось это состояние, но стоит погрузиться в персонажа — и вынырнуть удавалось с трудом.

Объектив блуждал по комнате и вдруг наткнулся на чужое лицо.

Изображение качнулось, сместилось и снова вернулось назад.

Ли Вэньсю бесшумно поднялся с дивана и шаг за шагом приближался к нему.

Фигура мужчины в объективе увеличивалась: сначала в полный рост, потом по пояс, затем крупный план плеч... Наконец кадр застыл, захватывая силуэт от линии губ до кадыка.

Эта деталь, обычно доступная лишь чужому глазу, в сильном приближении казалась интимной и хрупкой.

Губы на экране шевельнулись — Ли Вэньсю что-то говорил.

Заворожённый Синьцянь не расслышал, опустил камеру и переспросил:

— Что ты сказал?

— Я пойду к себе, — повторил Вэньсю.

Синьцянь окончательно очнулся от наваждения и кивнул.

Вэньсю не ушёл сразу.

— А врачу ты палец так и не показал?

— Ещё нет, — пояснил Синьцянь. — Врач уехал с пациентом в больницу.

Ли Вэньсю помедлил и вдруг произнёс:

— Дай-ка руку.

Синьцянь послушно протянул левую ладонь. На глазах у изумлённого юноши Вэньсю призвал Да Хэя. Точнее, сейчас это был скорее Сяо Хэй — размером с крошечного котёнка. Пантера, уютно устроившись на руках у хозяина, любопытно уткнулась носом в указательный палец Синьцяня, а затем мягко охватила его пастью.

Запомнился лишь лёгкий укол. Не успел Синьцянь опомниться, как зверь растаял в воздухе.

— Глянь теперь, — сказал Ли Вэньсю. — Должно пройти.

Синьцянь с любопытством сжал палец: застрявший обломок и впрямь испарился.

— У Да Хэя и такие способности есть? — поразился он. — Удобно!

— Сам решил попробовать наудачу. Рад, что получилось. — Вэньсю взглянул на его палец. — Не болит?

Синьцянь качнул головой: всё прошло. Вэньсю кивнул и вышел.

Ночью Синьцянь долго лежал без сна, слушая грохот прибоя за окном, завывания ветра и глухие удары чего-то тяжёлого по стенам. Лишь ближе к рассвету, привыкнув к шуму, он погрузился в сон.

К утру стихия утихла, но небо нависло над морем ещё ниже. Свинцовые тучи на горизонте сливались с тёмной пучиной в единое мрачное полотно.

Затишье перед бурей.

— Живее, живее! — торопил исполнительный продюсер. — Надо успеть снять начало ливня!

В семь утра Синьцянь уже прибыл на виллу. Отсняв сцену утреннего умывания и выхода из дома, он оседлал старый велосипед и выехал на натуру.

Влажный зной, низкие тучи, порывистый ветер, теребящий полы одежды... Сколько бы ни бушевала непогода, Бай Цзиннянь с упрямством одержимого ежедневно выходил на поиски кадров.

Но сегодня природа переиграла его. Не успел он отснять и половины, как хлынул дождь. Бай Цзиннянь заранее приготовил защитный чехол, но ливень стенкой грозил уничтожить объектив. Пришлось сворачиваться и спешно возвращаться на виллу.

Дождь подстёгивал шквальный ветер. Пока Синьцянь добирался до дома, он вымок до нитки. Но о себе он не думал: едва заскочив в прихожую и бросив велосипед, Бай Цзиннянь сдёргнул чехол и с трепетом принялся осматривать технику.

За окном бушевал шторм, а он стоял мокрый у кухонного острова, бережно проверяя камеру.

Это место находилось прямо напротив панорамного окна в гостиной. Оконная рама обрамляла хаос бури, а камера обрамляла застывшее окно.

Бай Цзиннянь замер, глядя на этот контраст. Капли воды стекали с его волос, задерживаясь на ресницах.

Он уже собирался выключить прибор, как из прилегающей ванной донёсся лёгкий шорох, затем шаги — и в объектив ступил абсолютно обнажённый мужчина.

В идеальную, строгую композицию кадра ворвался живой человек.

Он, судя по всему, только что вышел из душа и не подозревал о чужом присутствии. Босиком подошёл к окну, вытирая волосы полотенцем и разглядывая беснующееся море. Затем повязал полотенце на бёдрах и направился к холодильнику.

В этот момент он и заметил Бай Цзинняня у двери.

За окном хмурилось нелюдимое небо и завывал океан, а этот человек стоял посередине комнаты — настолько яркий и настоящий, что казался почти иллюзией.

Бай Цзиннянь даже не знал его.

Но под его рёбрами застывшее, казалось, навсегда сердце вдруг толкнулось с живой яростной силой.

Прошло несколько секунд, прежде чем Бай Цзиннянь опомнился. Он поспешно заслонил камеру собой и отступил в сторону.

Мужчина скользнул по нему беглым взглядом, достал из холодильника бутылку воды, в несколько жадных глотков осушил её наполовину, закрутил крышку и подошёл ближе.

— Ты кто? И что тут делаешь? — спросил он.

Мужчина был чертовски хорош собой, а лёгкая улыбка, игравшая на губах, мгновенно располагала к себе. Правда, глаза с поволокой придавали его взгляду несерьёзное, едва ли не фливольное выражение.

Заметив на себе пристальный взгляд Бай Цзинняня, он снова усмехнулся:

— Мне не говорили, что здесь кто-то живёт.

Его голосу не хватало веса — такие люди редко внушают доверие.

Бай Цзиннянь молча разглядывал его пару секунд, а затем произнёс без единой эмоции:

— Ты выпил мою воду.

Мужчина посмотрел на бутылку в своей руке, покаянно хмыкнул:

— Извини. Верну при случае, идёт? Ужасно пить хотелось.

Бай Цзиннянь не согласился, но и возражать не стал. Лишь спросил:

— Кто ты?

— Тан Фэн, — ответил тот, опираясь о кухонный остров и рассматривая хозяина. — Временно остановился у друга. А ты?

— Профессор Го разрешил мне пожить здесь летом.

Мужчина удивлённо вскинул бровь:

— Так ты студент Го Хая?

— Режиссёрский факультет, Бай Цзиннянь.

Услышав имя, Тан Фэн усмехнулся:

— Значит, почти коллеги. Я художник.

К концу съёмок разразилась настоящая буря с грозой и шквалистым ветром.

Вилла не могла вместить всех, поэтому Ло Юаньцзе велел части съёмочной группы уезжать немедленно, пока дороги окончательно не размыло.

Сам режиссёр остался у монитора, пересматривая дубли. Ли Вэньсю, сменив мокрую одежду, задержался вместе с ним.

Се Синьцянь вымок до нитки и чувствовал себя паршиво. Мечтая поскорее добраться до отеля и принять горячий душ, он присоединился к Чэн Лисюэ и остальным.

Бушующий снаружи ураган в помещении казался не таким уж страшным. Но стоило распахнуть двери, как ветер с дождём с размаху ударил в лицо, словно пригоршней мелкой гальки.

Зонты были бесполезны — их выворачивало наизнанку. Ветер чуть не сбил с ног хрупкую Чэн Лисюэ, заставив её отшатнуться назад.

И тут прямо перед глазами Синьцяня мелькнула огромная тень, падающая прямо на Чэн Лисюэ. Поняв, что это, юноша похолодел.

— Осторожно! — с этим криком он совершил рывок и сбил Чэн Лисюэ с ног.

За их спинами с оглушительным треском рухнуло старое дерево.

Массивная крона ударилась о землю, взметнув тучи брызг.

Кому-то задело кожу ветками, но, к счастью, никто не оказался под стволом.

Чэн Лисюэ находилась в самой опасной зоне — если бы Синьцянэ не оттолкнул её, тяжёлый ствол раздавил бы её на месте.

Девушка судорожно перевела дыхание и с ужасом воззрилась на своего спасителя:

— Ты не ранен?!

— Всё в порядке, — Синьцянэ небрежно засунул руки в карманы, постаравшись придать лицу максимально спокойное выражение. — Я крепкий.

Дождь лил как из ведра, превратив всех в мокрых куриц. Чэн Лисюэ внимательно всматривалась в его лицо, но, не заметив признаков боли, поверила и поспешила к своей машине.

— Пойдём, — бросил Синьцянэ Чжоу Мину.

Но не успел он сделать и шага, как кто-то с силой схватил его за запястье.

От неожиданности Синьцянэ не успел удержать правую руку, и та выскользнула из кармана. Ладонь была сплошь содрана, с рваными ссадинами и проступающей кровью.

— И это ты называешь «всё в порядке»? — прорезал шум ливня злой, сорванный голос.

Ли Вэньсю впервые на его памяти выглядел настолько мрачным.

Попавшись с поличным, Синьцянэ опешил, а затем снова спрятал руку в карман, упрямо буркнув:

— Ерунда, царапина.

Ли Вэньсю вдруг вспомнил их самую первую встречу: тогда этот парнишка, не имея ни единой царапинки, капризно жаловался на занозу.

А теперь, получив настоящую травму, предпочитал молча терпеть, лишь бы не быть никому обузой.

Сердце Вэньсю сжалось от внезапной острой боли. Шагнув ближе к юноше, он бережно накрыл его локоть своей ладонью и тихо, почти умоляюще прошептал:

— Покажи. Пожалуйста.

<http://bllate.org/book/19727/1985717>